

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ МЕТОДИЧЕСКИХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме исторических корней методик правовой интерпретации. В ней подробно рассматриваются две правовые системы, оказавшие определяющее влияние на формирование первых приемов толкования права — иудейская и римская интерпретационные традиции.

Автором выделяются специфические методы толкования, присущие каждой из систем, и приводится их подробное пояснение на конкретных примерах.

Исследование исторического пути становления методов юридической интерпретации позволяет провести параллель с современностью и дает основания как для выявления перспектив развития современной методики толкования права, так и для дополнения антропологического и аксиологического направлений правовой науки.

Ключевые слова: право, правовая система, интерпретационная традиция.

Abstract: This article is dedicated to the problem of historical roots of methods of legal interpretation. Two legal systems, which had the greatest influence on the formation of the first methods of interpretation of law, — Judaic and Roman traditions — are carefully analyzed here.

The author differentiates specific ways of interpretation, inherent in each of the two systems, and gives their detailed explanation on particular examples.

The research of historical way of the formation of methods of legal interpretation allows to draw a parallel with contemporaneity and gives a ground for both revealing the perspectives of development of modern methods of legal interpretation and supplementing anthropological and axiological components of legal science.

Key words: law, legal system, interpretational traditional.

Современная правовая наука располагает обширной системой методов толкования права, разработанной в такой мере, что под воздействием прогрессивного динамического духа настоящего времени ее изучение в большей степени оказывается ориентированным на будущее, нежели на учет опыта прошлого. Между тем, выявление исторических корней правовой интерпретации позволяет проследить предпосылки и динамику развития права в целом, а также установить место и роль актов толкования в юриспруденции, и, следовательно, представляет большой научный интерес.

Среди всех древнейших цивилизаций наибольший вклад в развитие методик интерпретации был внесен иудейской, греческой и римской мыслью. Толкование права в рамках данных социальных общностей было во многом обусловлено и связано сакральным началом, вырабатывавшим собственные методы интерпретации. Что касается древнегреческого толкования, его религиозно-философская природа и значение для современной юриди-

ческой методики интерпретации требуют отдельного исследовательского подхода, а потому данная работа будет сконцентрирована на рассмотрении иудейской и римской интерпретации как систем, связь которых с толкованием права наиболее непосредственна и очевидна. При этом исследованию подвергаются конкретно те исторически предшествующие приемы толкования, которые обладали правовым характером или определяющим влиянием на развитие толкования права.

Мощнейший импульс развитию интерпретационного процесса в древнем иудаизме был задан Ветхим Заветом (Торой) — наивысшим по силе регулятором общественных отношений в Древнем Израиле. Священное Писание явилось источником развития древнеиудейской интерпретации как самостоятельной, научно обоснованной деятельности и значительно определило становление юридического толкования. Являясь первичным и основным объектом интерпретации, Тора уже в своем текстуальном изложении и структуре закладывала причины и необходимость ее толкования (неопределенность текста, совмещение абстрактности и

казуистичности в изложении норм, отсутствие хронологии), которые в совокупности с многочисленными внешними факторами стимулировали развитие интерпретации.

Наличие в Ветхом Завете, помимо этических и религиозных, большого количества норм правового характера, также нуждавшихся в истолковании, способствовало развитию правовой интерпретации и формированию следующей системы методов.

1. Умозаключение по аналогии.

Так, в Исходе (21 : 26, 27) говорится, что если кто ударит своего раба или рабыню и повредит им глаз или выбьет зуб, то в качестве компенсации он обязан отпустить их на волю. Отсюда вытекает неясность, должно ли освобождать раба в случае причинения ему иных физических увечий, поскольку очевидно, что глаз и зуб являются не единственными важными элементами человеческого организма. Иудейское толкование в данном случае шло по пути выделения тождественных понятий, то есть органов, соотносимых по значимости с глазами и зубами. К числу таковых относились очевидно пальцы рук и ног, конечности в целом, а также вероятно нос.

2. Выводы из тождественных понятий создавали прецеденты, позволявшие применять следующий метод толкования — конструирование общей посылки для нескольких регулятивных норм.

В контексте приведенного выше примера такой посылкой стала обязанность освобождения рабов в случаях повреждения им тех органов, которые не способны регенерировать [1].

3. Ограничительное толкование.

Когда законодательная формулировка давалась в такой обобщенной форме, что ее буквальное применение противоречило канонам здравого смысла, смысл нормы конкретизировали и сужали посредством толкования.

К примеру, регулирование Священным Писанием института развода предусматривало для мужа необходимость дать жене «разводную бумагу», т. е. письменный документ о разводе. Однако основание выдачи «разводной бумаги» оставалось крайне неопределенным: «если он находит в ней что-нибудь противное» (Втор. 24 : 1). Употребляемый здесь еврейский термин «*erwat dabar*» имеет значение «неподобающий», «неприличный» [1]. Различные иудейские школы толкования (гиллелиты и шаммаиты) толковали его по-разному. Применяя расширительное толкование, гиллелиты подводили под «неподобающий» практически любой проступок, включая даже испорченный

женой обед. Шаммаиты, напротив, со свойственным им ограничительным интерпретационным уклоном указывали на «неприличное» единственно как на противное нравственности. Отсюда следовал вывод, что это не может быть такое тяжкое правонарушение, как прелюбодеяние (супружеская измена) жены, ибо за нее Ветхий Завет предусматривал наказание смертью. В связи с этим, исходя из традиций иудаизма, шаммаиты определяли, что «неподобающим» является нахождение замужней женщины в публичном месте с непокрытой головой или обнаженными руками.

4. Расширительное толкование.

Данный способ интерпретации был одним из наиболее широко применяемых, наряду с ограничительным толкованием, и представлял собой расширение смысла нормативного предписания. Так, норма книги Исхода «не совершай никакой работы в день субботний» (Исх. 20:8—11) закономерно вызывает вопрос, что именно вкладывается в понятие «работы». Изначально интерпретация шла по пути расширительного толкования, когда в него включали и такие виды развлекательной по своему характеру деятельности, как верховая езда и занятия танцами. В дальнейшем, однако, такая трактовка была отменена, и «работа» стала определяться как тяжелая физическая деятельность.

5. Сравнение параллельных отрывков Священного Писания.

Указанный способ применялся в случае обнаружения в Торе норм, противоречащих друг другу. В таком случае иудейские интерпретаторы считали, что разрешение коллизии возможно лишь путем нахождения третьей нормы, согласующей две предыдущие.

Примечательным в этом отношении является пример с правовым положением женщины-рабыни. Исход (21 : 7) устанавливает запрет на ее освобождение: «если кто продаст дочь свою в рабыни, то она не может выйти так, как выходят рабы». Из этого следует, что Библия четко разграничивает половую принадлежность применительно к понятию «раба», которое в данном случае не может являться обобщающим, как это нередко бывает в других исторических памятниках эпохи рабовладения. Однако во Второзаконии мы находим противоположную норму, предусматривающую обязанность отпускать на волю рабов обоих полов еврейского происхождения, отработавших шесть лет в услужении (Втор. 15 : 12—14). Условия освобождения, равно как и последствия нежелания раба уйти на волю, одинаковы для мужчин и жен-

щин. Противоречие между Исходом и Второзаконием очевидно. В данной ситуации иудейское толкование прибегает к отрывку из книги Левит, говорящего о необходимости различать рабов-единоверцев («когда обеднеет брат твой и продан будет тебе, не налагай на него работы рабской»), имеющих статус «наемников», «поселенцев», и рабов из числа других народов, которыми можно и должно владеть вечно (Лев. 25 : 39, 44—46). Отсюда делается закономерный вывод, что книга Исхода говорит о судьбе рабыни-иноземки, в то время как израильтянка, попавшая в рабство, может и должна быть отпущена на общих основаниях [3].

6. Прием доведения до абсурда.

Данный метод толкования часто использовался иудейскими интерпретаторами в целях смягчения и гуманизации норм Священного Писания, касающихся уголовной ответственности и наказаний. Так, Ветхий Завет не упрямочивает родителей на самостоятельное распоряжение жизнью и смертью их детей, однако провозглашает их право требовать умерщвления непокорных сыновей: «если у кого будет сын буйный и непокорный, неповиновый голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их», родители вправе привести его к старейшинам города и публично обвинить в неповиновении, после чего жители забьют его камнями до смерти (Втор. 21 : 18—21). Формулировка данной нормы касаясь «буйства и непокорности» настолько широка, что при расширительном и даже буквальном подходе могла оправдать применение смертной казни практически в любой ситуации. Во избежание этого при толковании указанной нормы для ее применения выводили несколько слагаемых условий: сын должен быть младше определенного возраста, т.е. до «возмужания», оба родителя должны быть живы и оба согласны на умерщвление непокорного. В дополнение ко всему родители имели право выдвинуть обвинение только при равенстве их социального происхождения (должны быть «достойны друг друга») и наличия у них одинакового тембра голоса. Последнее представляет собой ни что иное, как доведение смысла нормы до абсурда, однако обусловлено благой целью — стремлением сохранить человеческую жизнь.

Все вышеперечисленные приемы толкования использовались для приспособления норм Священного Писания к изменившимся социально-экономическим реалиям, учет которых в совокупности с трансформировавшимися потребностями общества был невозможен при строгом соблюдении

догматов Торы. Фактическому изменению правовых предписаний и тем самым динамике развития права способствовал прием введения символических фикций, творцом которых в иудейской правовой системе считается выдающийся интерпретатор Гиллель.

Под фикцией понималось определенное действие, олицетворявшее собой наличие юридического факта, не существовавшего в действительности. С течением времени исполнение отдельных библейских законов становилось затруднительным и было сопряжено с большими неудобствами на практике, в связи с чем возникала необходимость ограничения пределов их действия или вообще — отмены. Это становилось возможным при помощи фикций, позволявших изменить норму Священного Писания, не отменяя и не преобразуя ее формально. Наряду с фикциями чисто религиозного характера, существовали и фикции, имеющие юридическое значение.

Так, знаменитая фикция «прозбол» была создана для обхода закона Моисея о «шемите». Согласно последнему (см. Втор. 15 : 1—3), если человек не отдавал долг в течение шести лет, то на седьмой год долг автоматически прощался. Данное положение распространялось только на евреев и не действовало для чужеземцев. Однако даже в таком качестве нетрудно представить себе экономические последствия такого императива. Если в раннюю земледельческую эпоху в отсутствие развитого торгового оборота люди не нуждались в договоре займа, то с динамикой экономических процессов в эпоху раннего христианства необходимость прощения долга создавала простор для злоупотреблений и тем самым подрывала стабильность экономики. В результате евреи начали уклоняться от заключения договора займа во избежание прямой потери собственных денежных средств. А это уже было нарушением одного из главнейших библейских постулатов об оказании помощи ближнему. В целях урегулирования проблемы и была создана фикция. Текст «прозбола» звучал так: «Я, такой-то, заявляю вам, судьи такого-то места, что все долги, которые имею за таким-то, я взыщу, когда пожелаю» [4]. Зафиксированный в письменной форме, он скреплялся подписями свидетелей и судей. На первый взгляд могло показаться, что текст утверждает право кредитора в целях взыскания долга заявить о намерении нарушить Моисеев закон. Но это не совсем так. Фиктивная природа «прозбола» состояла в том, что его можно было писать только при наличии недвижимого имущества. Причем

последнее необязательно должно было быть эквивалентно сумме долга: достаточно и малого клочка земли, на котором можно было вырастить кочан капусты. Таким образом, факт написания «прозбола» подтверждал то обстоятельство, что долг как бы уже был взыскан до наступления седьмого года. В данном случае речь, видимо, шла о предъявлении требования о взыскании, которое по факту в дальнейшем могло быть произведено и на седьмой год, и позже. Однако если по какой-то причине кредитор забывал написать «прозбол», закон Моисея о «шемите» сохранял свое действие.

Другая фикция — «таккана» — касалась приобретения права собственности на дом в городе, «окруженном стеной» (т.е. в крепости, служившей оборонительным пунктом во время нападения врагов). Священное Писание предоставляло продавцу право обратного выкупа дома в течение года с момента продажи. На практике это приводило к тому, что покупатели в течение года скрывались от продавцов, дабы уклониться от возможного возврата строения. Это было стратегически невыгодно, поскольку лишало город-крепость защитников и дестабилизировало обстановку в оборонном пункте. Для урегулирования вопроса Гиллель ввел фикцию, согласно которой продавцу, который хотел вернуть дом, было разрешено вносить его покупную сумму в храмовую казну и, взломав замок, на законном основании вновь вступить во владение домом, даже в отсутствие покупателя.

Фиктивную природу имел также прием преобразования «библейских законов в соферские». Оправдание такой вольности в отношении божественных предписаний осуществлялось следующим образом. Необходимой норме Священного Писания давалось такое толкование, в соответствии с которым данный закон в том виде, в каком он соблюдался на практике, либо никогда не существовал, либо в силу условий, предполагаемых самой Библией, давно перестал существовать. Фактическое его соблюдение объяснялось особым благочестием народа, который таким образом соблюдал данный закон уже не как библейское предписание, а как указание побиблейских религиозных авторитетов. Отсюда закономерно следовал вывод, что данный закон имеет человеческую (соферскую) природу, в связи с чем и может быть отменен.

Выделяя особенности древнеиудейской интерпретации, следует отметить, что она позволяла создавать как новые нормы, наряду с положениями Торы, так и осуществлять толкование в пределах ветхозаветных предписаний. Последнее роднит

иудейскую интерпретацию с современным правовым толкованием. Однако при этом необходимо отметить и уникальные черты, присущие исключительно иудейской интерпретации — это порождение ею феномена «толкований на толкования», когда очередные результаты интерпретации норм Торы становились одновременно причиной и объектом последующего толкования. Именно такая интерпретационная методика стала главным фактором динамики иудейской правовой системы, способствовавшим преодолению излишнего догматизма наряду с сохранением и уважением древних традиций. Следует также подчеркнуть, что хотя Священное Писание сформировало традицию толкования и в греческой мысли, становление юридического направления интерпретации произошло именно в рамках иудаизма.

Наряду с Древним Израилем определяющее влияние на развитие методических основ толкования права оказала интерпретация Древнего Рима, которая хотя и сформировалась под воздействием сакрального элемента, но достаточно быстро приобрела явно выраженный правовой характер.

Риму архаической эпохи не было известно источников регулирования, подобных иудейской Торе. Развитие интерпретационного процесса происходило под влиянием несколько иных причин, часто как результат преодоления сдерживавших ее факторов. Главной причиной интерпретации было как раз отсутствие необходимых регулятивных норм, в связи с чем древнеримским жрецам часто приходилось прибегать к толкованию немногих имевшихся религиозных предписаний. Если сначала этот процесс носил спонтанный характер, то в дальнейшем появились письменные сборники, содержавшие отдельные, наработанные опытом методические указания по интерпретации сакральных норм, предназначенные для узкого жреческого пользования.

Строгая формализация судебного процесса и актов заключения сделок также сыграла роль причины развития толкования, поскольку каждый казус необходимо было грамотно подвести под действие узкой нормы, чтобы не проиграть судебное дело или не ущемить правам стороны при совершении сделки.

Начиная с V в. до н.э., основным объектом римской интерпретации стали Законы XII таблиц. В отличие от норм Ветхого Завета, им не было присуще свойство нерушимости, поэтому толкованию Древнего Рима, при учете существовавших законодательных положений, был в значительной

мере присущ тот дух свободного творчества, культивированный римскими юристами классического периода, который позволил не просто осуществлять интерпретацию, но посредством нее создавать новые нормы права. При этом наряду с «правообразующим» римская юриспруденция применяла и толкование в границах нормы. Данное обстоятельство в совокупности с доминирующим правовым характером римской интерпретации определило следующую систему используемых ею методов.

1. Широкое применение логической и грамматической интерпретации.

Различие логики рассуждения можно проследить на примере двух известных юридических школ — прокулеанской и сабинианской. Решая вопрос о праве собственности при производстве вазы из чужого материала, сабинианцы исходили из того, что судьба придаточной вещи определяется по судьбе главной, где в качестве таковой выступает исходный материал. Соответственно, право собственности должно признаваться за собственником материала. Прокулеанцы же обращали внимание на затраты труда при производстве и на этом основании отдавали право собственности спецификату. При этом производимую вазу они рассматривали как вещь, которой никто ранее не обладал, поскольку она только появилась на свет в виде вазы, будучи раньше бесформенным материалом, к примеру, глиной. В связи с этим, руководствуясь принципом «вещь, никому не принадлежащая, переходит в собственность овладевшего ей впервые», они опять же признавали право собственности на вазу за тем, кто ее произвел [5].

Для иллюстрации логических и грамматических приемов интерпретации можно привести следующий казус [6]. Гай является собственником дома, обремененного сервитутом на поддержание несущих конструкций соседнего дома, принадлежащего Тицию. Для поддержания Тициева дома была сооружена колонна, пришедшая со временем в негодность, в связи с чем Тиций потребовал от Гая ее замены. Отвечая на вопрос о лице, на которое должна быть возложена обязанность по ремонту, юрист Павел указывает на собственника обремененного здания, ссылаясь на формулировку сервитута: «пусть стена, которая поддерживает несущие конструкции, сохраняется такой, какая она есть». Из этого Павел делает вывод, что стена должна находиться в указанном месте всегда, но это не значит, что всегда она должна быть без изменений, поскольку это объективно невозможно. Наоборот, слова «какая есть» подразумевают необходимость поддержания стены в пре-

жнем состоянии, потому что «вечно одной и той же» она быть не может. Павел также использует прием аналогии, аргументируя свою позицию нормой о том, что в случае разрушения или исчезновения вещи, на которую установлен сервитут, на ее место должна быть установлена аналогичная вещь. Поскольку это должен делать собственник исчезнувшей вещи, то и в данной ситуации Гай должен сам произвести ремонт или замену поддерживающей Тициев дом колонны. Разрешению данного казуса способствуют логические приемы выводов из понятий и суждения по аналогии.

2. Обоснование на основе аргументов предшественников.

Данное положение получило свое официальное закрепление в законах «О цитировании» 426 г., согласно которым обосновывать интерпретацию можно было только мнениями *veteres* (республиканских юристов) и пяти классических юристов, обладавших официальным правом толкования (Папиниана, Павла, Ульпиана, Модестина и Гая).

3. Выведение из имеющихся норм общего принципа для подведения под него других однородных положений.

Данный метод зародился еще в жреческой практике из выводимых понтификами собирательных понятий, и его можно назвать специфическим выражением аналогии как юридико-технического приема у древних римлян.

Так, например, норму Законов XII таблиц о том, что собственник дерева, с которого желуди падают на чужой двор, имеет право на их беспрепятственный сбор на дворе соседа, понтифики подводили под общее понятия «плода», куда включали уже не только желуди, но яблоки, сливы и т.п.

4. Применение юридических фикций.

Данный прием берет начало в деятельности жрецов и переходит от фикций чисто ритуального характера к собственно правовым. Например, когда с течением времени непризнание римским правом гражданской правоспособности за иностранцами стало создавать препятствия в развитии торгового оборота, получила широкое распространение фикция, по которой на суде иностранец рассматривался так, как если бы он являлся римским гражданином.

Юристы республиканской эпохи пошли в этом направлении еще дальше. Они стали использовать прием уподобления новых правоотношений, не предусмотренных действующим законом, старому охраняемому правом отношению, применяя для этого частицу *quasi* (как бы) [7].

5. Толкование на основе общих принципов права.

Решающим ориентиром толкования для юристов, начиная с республиканского периода, были основополагающие принципы права, среди которых, в первую очередь, выделяется *принцип учета природы вещей*. Исходя из понимания природы человека, животных, предметов материального мира и даже природы отношений, давались различные толкования. Так, Ульпиан считал согласным с природой отношений то, что они должны прекращаться тем же способом, что были установлены [8].

Другим основополагающим принципом толкования был *принцип справедливости (aequitas)*, служивший средством дополнения правовых норм и восполнения пробелов в регулировании [9]. По замечанию Т. Киппа, «ни одно из самых блестящих положений римского права не обеспечивало за ним в такой мере право на бессмертие, как его отношение к *aequitas*» [10]. Она была той «максимой», которой руководствовались при интерпретации права. Последняя играла роль посредницы между правом и *aequitas*. Именно принцип справедливости заставлял римлян отступать от буквы закона и доискиваться воли законодателя, скрытой в словесной формулировке нормы. Более детальное развитие принцип справедливости получал в принципах учета «общего блага» и «равномерного распределения прав и обязанностей сторон» [11].

Со временем понимание обществом своего блага может изменяться до такой степени, что то «общее благо», которое было заложено в правовые нормы ранее, перестанет удовлетворять общественным потребностям, и может случиться, что право станет отказывать в защите достойным интересам и, наоборот, защищать недостойные. Понимание «достойного» изменялось в каждой конкретной ситуации, поэтому вывести какое-либо его общее определение из римской казуистики затруднительно. Можно лишь сказать, что «достоинство» интересов определяется в зависимости от потребностей гражданского и публичного оборота и воззрений общества на гражданские и публичные отношения. При недостаточном учете «достойных» интересов классические юристы прибегали к увеличению сферы их защиты и, соответственно, к расширительному толкованию. Если же степень защиты интересов, напротив, оказывалась так велика, что вынуждала оставлять без внимания другие интересы, то и размеры защиты данного интереса ограничивались. Так, например, римское законодательство не содержало нормы, вменяющей в обя-

занность домовладельцам поддерживать здания в прочном состоянии и возлагающей на них ответственность за убытки соседей, причиненные им ветхостью такого здания. Здесь налицо недостаточная защита правом интересов, явно достойных — интересов соседей. Тем не менее, введение такой нормы в римское право было неприемлемо, поскольку не сочеталось с убеждением римлян в том, что каждый гражданин должен сам заботиться об охране своих интересов и «не уповать на постоянное попечение со стороны закона» [12]. Не могло римское право одобрить и ограничение государством прав частного собственника. Поэтому, в соответствии с принципом предоставления максимальной свободы частным лицам в сфере гражданского оборота, учет и защита правомерных интересов соседей осуществлялась посредством интерпретации. Юристы вывели положение, что каждое заинтересованное лицо было вправе принуждать соседа к заключению стипуляции, в которой сосед (владелец обветшавшего дома) принимал на себя обязанность вознаградить интересента в случае падения здания и возместить причиненный этим ущерб. Таким образом, заключение стипуляции зависело целиком и полностью от бдительности, предусмотрительности и рвения о своих интересах каждого лица, поскольку если по его недосмотру стипуляция заключена не была, то и потребовать возмещения убытков от соседа было невозможно. Вводимое при этом ограничение прав собственника прикрывалось формой договора и одновременно принцип бдительной заботы каждого о своих интересах не только остался неприкосновенным, но и получил дальнейшее развитие.

Однако интерпретация казуса на этом не заканчивалась и шла далее по пути максимального учета «достойного» интереса, оговаривая ту ситуацию, когда стипуляция не была заключена не по нерадивости гражданина, а в связи с тем, что он объективно не мог предусмотреть необходимость ее заключения. Например, лицо, долгое время отсутствовавшее в месте своего постоянного жительства не могло быть осведомлено о состоянии дома соседа и, соответственно, не могло также заключить с ним стипуляцию. Поэтому данный интерес получает усиленную защиту в связи с уважительными причинами, и защищается претором: последний должен был обязать собственника обвалившегося здания к возмещению убытков на тех же основаниях, что и при стипуляции. Данный казус служит яркой иллюстрацией восполнения пробелов правового регулирования, а также корректировки

имеющихся норм посредством толкования и подтверждает подчеркнутое Ульпианом направление юридической интерпретации, по которому «там, где четкое правовое предписание отсутствует, желательнее решать по справедливости».

Среди рассмотренных методов интерпретации можно выделить как имеющие непосредственное отношение к «правосоздающему» толкованию (ссылка на аргументы предшественников), так и к интерпретации в пределах нормы (выведение общего принципа из имеющихся нормативных предписаний).

Сопоставление иудейской и древнеримской интерпретации позволяет сделать вывод о сходстве большинства выработанных ими методик толкования права. Принципиальное различие, однако, заключается в использовании интерпретаторами ранее данных толкований. Если в Древнем Риме интерпретации авторитетных юристов практически не получали своего дальнейшего смыслового развития в трудах последующих поколений и служили аналогами законодательных норм, простая ссылка на которые являлась достаточным аргументом в споре, то суждения иудейских интерпретаторов как правило подвергались дальнейшему толкованию. В древнем иудаизме развитие интерпретационных положений и сопоставление их с текстами Торы стало традицией, сформировавшей целую систему актов толкования, которая, тем не менее, в большей степени придерживалась нормативных границ священных текстов, чем римская интерпретация. Поэтому иудейской правовой системе в контексте соблюдения традиций предков более свойствен дух консерватизма, нежели дина-

мично развивавшемуся римскому праву. Однако при определенных различиях двух данных интерпретационных традиций несомненно, что в совокупности именно они заложили основы собственно юридической интерпретации и многие тысячелетия назад сформировали по сей день применяющиеся методы толкования права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еврейская энциклопедия: в 16 т. Т. 8 / Под общей ред. Л. Каценельсона. — СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Издательство Брокгауз-Ефрон, [1908 — 1913]. — 967 с.
2. The Cambridge history of the Bible: In 3 vol. V. 1: From the beginning to Jerome / Edited by P.R. Ackroyd and C.F. Evans. — Cambridge: At the University Press, 1970.
3. Там же.
4. Еврейская энциклопедия: в 16 т. Т. 6 / Под общей ред. Л. Каценельсона. — СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Издательство Брокгауз-Ефрон, [1908 — 1913]. — 960 с.
5. *Ефимов В.В.* Лекции по истории римского права. — СПб.: Тип. В.С. Балашева и Кс, 1898. — 494 с.
6. *Гарсиа Гарридо М.Х.* Римское частное право: Казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005. — 812 с.
7. *Ефимов В.В.* Указ. соч.
8. *Коркунов Н.М.* История философии права. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. — 456 с.
9. *Салогубова Е.В.* Римский гражданский процесс. М.: Городец-издат, 2002. — 157 с.
10. *Кипп Т.* История источников римского права. СПб.: Склад издания в Юридическом Книжном Магазине Н.К. Мартынова, 1908. — 152 с.
11. *Хвостов В.М.* Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum jus* в римской классической юриспруденции. М.: Университетская типография, 1895. — 317 с.
12. Там же.